

Мария Александровна Кузьмина

Ценности педагогической антропологии К.Д.Ушинского и его учение об ассоциациях в современном образовании

I

В книге «Волшебник изумрудного города» Страшила и Железный Дровосек спорят: что важнее — ум или сердце? В итоге каждый получает то, что ему дороже, но на протяжении всей истории друзья не раз вернутся к этому спору. Автор будто бы вновь и вновь приглашает юных читателей задуматься: всё-таки ум или сердце?..

Непраздный вопрос. Что в человеке является предметом воспитания? Ум или сердце? Книга «ЧЕЛОВЕК как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии Константина Ушинского» содержит системный ответ по этой проблеме.

Отличительной особенностью метода Ушинского является принципиальное разведение физического и психического аспектов возрастания человека с призывом не смешивать одно с другим: «Отдавая телу вполне всё, что ему принадлежит, мы тем свободнее можем отдать душе, что не может быть выведено ни из каких законов материи, а именно — сознание, чувство и волю» [1, с. 102].

При этом Ушинский подчёркивает ключевую роль христианства в становлении мысли о человеке как о свободном творении Бога, над которым не довлеет таинственное предопределение, жизнь которого не замкнута дурной наследственностью. «Пока жив человек, он может измениться и из глубочайшей бездны нравственного падения стать на высшую ступень нравственного совершенства» [1, с. 122]. Неоднократно Ушинский приводит примеры из Евангелия и Священной истории в подтверждение кардинальных перемен в человеке, подражающем Христу. Так, например, высшим примером искоренения такого естественного для человека чувства, как гнев по отношению к своим мучителям, Ушинский называет мучеников за веру [1, с. 178], а яркий случай «быстрого изменения души человеческой» видит в покаявшемся разбойнике [1, с. 121]. Твёрдая вера в победу образа Божия в человеке-творце пронизывает все теоретические и практические положения книги Ушинского. Разумеется, это не гордая вера гуманистов, объявивших человека мерой всех вещей, — идеологии, которая закономерно привела к падению, когда Ф. Ницше провозгласил, что «Бог умер». Утрата веры

в божественное начало в человеке развенчала самые принципы человечности. Может быть, главный кризис в современной педагогике состоит в недостатке веры в ученика и в образ божественного, который отражён в нём.

Метод педагогической антропологии К. Д. Ушинского в наши дни востребован как никогда. Ценности современного образования, согласно которым человек представляется биосоциальным существом, замыкающимся в земных интересах, оставляют его в двумерном пространстве без духовной вертикали.

II

Абсолютизация современных тенденций в образовании, нацеленная на развитие «навыков» и «компетенций», делает образование антагонистичным библейскому взгляду на человека. Их насаждение как приоритетных ведёт к расчеловечиванию, которое выражается в замене традиционной педагогики «цифровым онбордингом»¹, когда личность ученика, его цельная «сущность» заменяется «предикатами»². Представление о человеке как о наборе функций, компетенций и прочих «деталей» является продуктом «чистого» разума, ведомого не чистым сердцем из Евангельских блаженств, а программируемого исходя из определённых ценностей. На каких ценностях основан такой «функциональный» подход к человеку?

Агентство стратегических инициатив (АСИ), разработавшее программу «Образование 2030», предлагает строить образовательную организацию по моделям управления, существующим в IT-отрасли. Ошибка данного подхода заключается в том, что уровни организации самого производства смешиваются с уровнями его управления. Если в сфере IT указанные уровни типично сближены или даже сливаются, то производственные процессы в образовании организованы совершенно иначе [3, с. 122]. На открытой лекции, состоявшейся в 2013 году, Д. Песков, руководитель одного из направлений АСИ, указывал на необходимость «реализации ценностей на основе новых технологий», а работу с ценностями назвал «принципиальным вопросом в концепции реформ образования».

¹ Онбординг (*англ.* onboarding 'вхождение, адаптация') — «знакомство пользователя с функционалом продукта» [<https://www.reg.ru/blog/onboarding/>]. Современные цифровые «образовательные» технологии превращают ученика в «продукт», который наделяется определёнными характеристиками. Рейтинг этих характеристик определяет степень «успешности» ученика в дальнейшей жизни (на рынке труда).

² Предикат — свойство или отношение.

В чём же состоит этот важный в работе с ценностями вопрос? — «Как ценности конвертируются в деньги и наоборот» [Там же].

Отказ от нравственного мерила ценностей, зависимость образовательной траектории от её «конвертируемости в деньги» — грядущая катастрофа в отечественном образовании и воспитании, запечатанная, как игла в яйце, в форсайт-проектах³ от АСИ. Об этом говорят ключевые понятия, используемые разработчиками программы «Образование 2030». Например, одним из ключевых терминов в образовательных форсайт-проектах является так называемая «точка Бога» — перевод личности живого человека в цифру, то есть оцифровке подлежит всё, что существует [4]. Это путь к расчеловечиванию личности с помощью наделения искусственного интеллекта «божественными» свойствами. Нарушается внутреннее единство личности как венца творения. На месте Бога — искусственный интеллект, на месте личности — цифровой аватар.

Ученик, сводимый искусственным интеллектом к набору качеств, необходимых его будущему работодателю, формируется ожиданиями от него успехов в рамках определённых компетенций. В нём развивается то, что может запрограммировать в нём искусственный интеллект, — логика и рациональность. Но поскольку человек не исчерпывается логикой и рациональностью, вопрос в том, каких людей мы получим в итоге. Сколько в них останется от «библейского человека»?

III

У находящихся на дне всегда остаётся надежда, что они смогут оттолкнуться и вынырнуть на поверхность. Современное состояние школьного образования разработчиками программы «Образование 2030» фактически определяется именно как дно ликвидированных традиций, хотя оформлено это иначе: согласно форсайт-проекту, 2022–2030 гг. являются четвёртым этапом изменений, когда должен происходить «слом/ликвидация традиционных моделей образовательной системы» [4].

Неудивительно, что на фоне такой трансформации образования в инструмент расчеловечивания в обществе реализуется запрос на актуализацию традиционного ценностного измерения в образовательном процессе. Не так давно в «Закон об образовании в Российской Федерации» были внесены важные изменения относительно воспитательной работы⁴.

³ Форсайт-проекты — проекты на базе построения стратегии развития будущего.

⁴ В 2020 г. в «Закон об образовании в Российской Федерации» (№ 273-ФЗ) Федеральным законом от 31.07.2020 № 304-ФЗ введена Ст.12.1 «Общие требования к организации воспитания обучающихся».

Воспитание не только определяется как деятельность, направленная на развитие личности, но и акцентируется созидательная роль воспитания как деятельности, формирующей у школьников чувства причастности к ценностям: патриотизм, гражданственность, уважение к памяти защитников Отечества, бережное отношение к культурному наследию и традициям народов России и так далее⁵. Деятельность, направленная на воспитание чувства, адресована в первую очередь душе.

Говорить о душе и в рамках материалистической парадигмы было не принято; тем более неприлично думать о душе в современной трансгуманистической образовательной программе. Поэтому за представлениями о душе как предмете воспитательного воздействия приходится обращаться к тем, кто учитывал этот аспект в разработке педагогических принципов.

К. Д. Ушинский писал: «Не признавая души, независимой от следов впечатлений и обладающей способностью сознания и произвола, мы не можем объяснить себе произвола в направлении нашего внимания; а не признав этого произвола и признав всю душу за ассоциацию следов, которые тянут за собою другие следы того же рода и т.д., мы уничтожаем всякую возможность произвольного воспитания души» [1, с. 171]. Так Ушинский показывает, что нельзя считать душу частью «нервного организма», воспринимающего впечатления внешнего мира. Пусть душа неопределима, научно непостижима, но она существует, — и данный тезис неоспорим для Ушинского.

Ушинский убедительно продемонстрировал, что психическая жизнь сосредоточена в чувствованиях, а не в мыслях: «Человек более человек в том, как он чувствует, чем в том, как он думает». Образование и воспитание чувств — вот главная задача образования и воспитания. Отсутствие понимания этой важной истины, обоснованию которой Ушинский посвятил свой труд, и сведение обучения к тренировке ума сохраняют актуальность фразы, сказанной автором русской педагогики в XIX веке: «Наш век многоученья отличается обилием ничтожных характеров» [2, с. 345]. Ничтожность характера, по Ушинскому, не всегда вызвана слабостью его, то есть слабым «следом чувствований и желаний». Человек может обладать сильной волей, нести в душе следы сильных переживаний, но при отсутствии внутреннего единства сил души, единой их направленности, вся мощь переживаний способна сделать такого человека самым несчастным. Внутреннее единство заключено в здоровом нравственном чувстве, которое педагог воспитывает в ученике при соблюдении одного важного условия: «Если то, что заучивается

⁵ См.: <http://duma.gov.ru/news/49166/>

детьми, не пробуждает в них никакого чувства, желания или стремления, то тогда заученное не может иметь никакого непосредственного влияния на их нравственность» [1, с. 242].

Как пробудить чувство к тому, что заучивается? — В ответ на это Ушинский предлагает типологию ассоциаций, знания о которых современный педагог может применять на практике.

IV

По мнению великого физиолога А. А. Ухтомского⁶, «задача педагогического процесса заключается в том, чтобы в заданный, более или менее короткий, срок обогатить память достаточным числом целесообразно закреплённых следов, по которым нетрудно было бы вспомнить и восстановить впечатления, действия и приёмы, требующиеся для тех или иных достижений» [5, с. 229]. Подобные выводы учёный делает на основе своего учения о доминанте, методология которого незаменима для педагога. Согласно учению о доминанте⁷, «всякое „понятие“ и „представление“, всякое индивидуализированное психическое содержание, которым мы располагаем и которое можем вызвать в себе, есть след от пережитой некогда доминанты» [5, с. 45]. Задачей учителя и является создание и закрепление в памяти этих «следов», так чтобы впоследствии при необходимости их можно было воссоздать. То, что Ухтомский в 1936 году назвал «целесообразно закреплёнными следами» доминанты, Ушинский на 65 лет раньше называет ассоциациями — связями между представлениями, возникающими в сознании учащегося. Подобно тому, как доминанту может вызвать какое-то воспоминание, мимолётное впечатление, — так и ассоциации возникают тогда, когда одна идея «вызывает в душе целую группу или вереницу других» [1, с. 203].

Ушинский различает несколько видов ассоциаций, и его типология имеет актуальное методологическое значение в педагогической деятельности. С одной стороны, определённый вид ассоциаций можно закрепить преимущественно за каким-то конкретным предметом школьной про-

⁶ А. А. Ухтомский, в монашестве Алипий (1875–1942) — князь, физиолог, академик. Автор учения о доминанте. В 1917 году принимал участие в Поместном Соборе Православной Российской Церкви от единоверцев.

⁷ Доминанта, согласно определению Ухтомского, — «господствующий очаг возбуждения, предопределяющий в значительной степени характер текущих реакций центров в данный момент» [5, с. 31]. Иными словами, «доминанта — это господствующая направленность рефлекторного поведения субъекта в ближайшей его среде» [5, с. 216].

граммы (например, ассоциации по единству места естественнее работают при использовании карт на уроках географии). С другой стороны, применение всех видов ассоциаций в рамках одного курса делает преподавание более разнообразным и динамичным. Рассмотрим метод ассоциаций на примере уроков церковнославянского языка.

1) *Ассоциации по противоположности* работают на принципе контраста: мы не только даём ученику две картины вместо одной, но «каждая из этих картин становится яснее в его душе и укореняется глубже, чем укоренилась бы одна, по тому общему закону, что два следа, вызывающие в душе один другой, укореняются лучше, чем один» [1, с. 205]. Каждый след укрепляет другой и сам выигрывает в яркости восприятия. Данный метод, применяемый на уроках церковнославянского языка, помогает при изучении таких языковых фактов, как простые глагольные времена — аорист и имперфект. Глагольная система церковнославянского языка отличается от русского, и хотя на интуитивном уровне отличие в значениях этих времён понятно, но различить формы получается с трудом: **БЫ́ХЪ, БѢ́ХЪ, БѢ́ХЪ; МОГО́ХОМЪ, МОЖА́ХОМЪ** и так далее. Здесь хорошо работает принцип контраста, когда при изучении форм используются ассоциации противоположности, то есть формы запоминаются не отдельно друг от друга, а одновременно — в их отличии: в имперфекте, в отличие от аориста, после основы будет **ѣ** или **а**.

2) *Ассоциации по сходству* характерны для процесса познания вообще, поскольку на основании сходства «новое представление, сросшееся своими тождественными членами со старым, глубоко укоренившимся, ложится с ним рядом, от чего образуется новая ассоциация двух, трёх, четырёх представлений и т. д., спаянных между собою общими для них звеньями» [1, с. 206]. Речь идёт о познании неизвестного через известное — основополагающем принципе познания. Недаром Ушинский отмечает, что «привязывать к старому, уже твёрдо укоренившемуся, всё изучаемое вновь — это такое педагогическое правило, от которого главным образом зависит успех всякого учения» [1, с. 208]. В изучении церковнославянского естественным образом происходит постоянное обращение к русскому языку как известному. Если аналогичных примеров в русском языке нет, то можно опираться, например, на английский язык, особенно если школьники начинают учить его раньше, чем церковнославянский. Например, употребление глагола-связки легче показать на примере английского языка:

Речѣ безъ^ѣменѣ въ сѣрдцы своѣмъ: нѣсть бѣъ — *The fool has said in his heart, there's no God* (Пс. 13, 1).

Частным случаем ассоциаций по сходству Ушинский считает ассоциации по сердечному чувству, в которых «сходство открывается не рас-

судком, а поэтическим чувством человека. Такими ассоциациями наполнен язык народа; из них образовалось множество метафорических выражений в языке» [1, с. 214]. Священные тексты, такие как, например, Благовещенский Акафист Пресвятой Богородицы, поэтичны по форме и по содержанию. Находить сходство сложных слов, которыми полнится этот текст, с произведениями русских поэтов позволит закрепить образную словесную красоту в памяти.

3) *Ассоциации по порядку времени* — это не что иное, как заучивание наизусть. Иосиф Бродский считал, что «мы можем назвать своим всё, что помним наизусть» [6]. Заучивание укрепляет «в сознании учащегося следы представлений и понятий памятью голосового органа» [1, с. 209]. Но хотя заучивание священных текстов — необходимая составляющая процесса изучения церковнославянского языка, Ушинский предупреждает о «нелепости» учения, которое основывается только на этом принципе. Для священных текстов особенно важно не бездумное запоминание, а понимание смысла. Особенно стоит обращать внимание на церковнославяно-русские паронимы, или, как их называют, «ложные друзья переводчика», — такие слова, которые кажутся понятными, но в действительности имеют иное, чем в русском языке, значение. В качестве примера можно привести паронимы глумиться ‘издеваться, насмехаться’ и **глѹмѣтисѧ** ‘обдумывать, размышлять’: **вѣ зѧповѣдѣхъ твоихъ поглѹмлюса, ѡ оубрѧзумѣю пѹтѣи твоѧ** — «буду размышлять о заповедях Твоих и пойму пути Твои» (Пс. 118: 15) [7, с. 101–102].

4) *Ассоциации по единству места* представляются особо актуальными при обучении, поскольку зрительная память у детей особенно сильна. Самое естественное приложение этих ассоциаций, как упоминалось выше, — уроки географии. «Ученик, заметивший хорошо, например, карту страны, группу красок и очертаний, на ней изображённых, — пишет Ушинский, — может потом свободно описывать эту карту, начиная с какого угодно конца; и конечно, такое изучение географии несравненно полезнее и твёрже изучения её по книге» [1, с. 209]. В обращении к картам есть польза и на уроках церковнославянского языка: например, в качестве наглядного сопровождения повествования о создании славянской азбуки и жизнеописания святых Кирилла и Мефодия. Проследивая путешествия святых братьев, ученики понимают, в какие дальние края пришлось им отправиться с проповедью и новыми знаниями. Земли славян, показанные на карте, дают возможность живо представить судьбу славянских племён, которую просветители связали воедино с помощью языка и азбуки. Южнославянский диалект, который лежит в основе церковнославянского языка, проник в земли западных славян, а позже был воспринят восточными славянами, став, таким образом, действительно международным языком общения.

Ассоциации по единству места также оказываются полезными в случае схематического изображения предмета изучения, например генеалогического древа языков: логические связи между языками легче запоминаются с помощью наглядных схем. Ушинский отмечает по этому поводу, что «умение *видеть* умственными глазами нашими *предмет в центре всех его отношений* составляет отличительный признак великих умов» [1, с. 210].

5) *Рассудочные ассоциации* возникают в процесс формирования из «механических ассоциаций, готовых уже в душе дитяти», логических причинно-следственных связей [1, с.212]. Рассудочные ассоциации закрепляются с помощью «вопросов-ответов». Например, при изучении двойственного числа в церковнославянском языке можно задать вопрос о том, какие следы этого числа можно найти в современном русском языке. Логично, что его остатки сохраняются в особой форме существительных, обозначающих парные предметы (сапоги — два сапога). Остатки двойственного числа содержатся в таких формах, как *обоюдострый, двоюродный* и т. п. Рассудочные ассоциации работают также в процессе установления этимологии слова. Важно при этом, что случаи «народной этимологии» как ложные рассудочные ассоциации заменяются правильными.

В целом же, несмотря на познавательную ценность, Ушинский не очень высоко ценит рассудочные ассоциации: «Логическая же истина сама по себе самая дешёвая истина и вовсе не показывает особого развития головы, а только особенность в направлении человека» [1, с. 213]. И снова великий педагог напоминает, что в педагогике главное — не развитие логических способностей, а формирование человека во всей цельности его личности.

6) *Ассоциации развития* относятся к явлениям духовной жизни. Подлинное мастерство педагога — формировать живые связи в душе ученика. Когда же заученное оживает? — Когда в подрастающем дитяти, пишет Ушинский, приводя в пример заучивание стихов, «созрел вопрос, на который мысль, заключающаяся в стихах, будет ответом, или созрело чувство, для которого заученные стихи будут более полным, поэтическим выражением» [1, с. 216]. «Созревший вопрос» — приоткрытая тайная жизнь доминанты ученика. Ответ будет востребован учеником, если вопрос касается того, о чём ученик уже думал, о чём переживал. Ассоциации развития возводят дух на новую высоту. Поскольку фундамент уже выстроен в сознании ученика его собственными размышлениями, новые мысли, слова, знания формируют ассоциации «в виде новой духовной силы... Такое усвоение духовной памятью есть не только духовный акт... но акт, обратившийся в новую силу духа» [1, с. 216].

V

Итак, теперь нам известно, как Ушинский разрешил спор об уме и сердце. Логика логикой, а воспитание души происходит непосредственно внутри христианской жизни. Заповеди блаженства ничего не говорят нам об уме, но чистые сердцем имеют драгоценное обетование: они Бога узрят. Выходит, что сердце — тот «зрячий» орган, который направляет ум. Святитель Феофан Затворник пишет, что «только всем сердцем ощущает человек, сколь великое зло есть грех» [8, с. 73]

Если место Бога занял искусственный интеллект, который не способен воспитывать сердце, то оно останется незрячим — слепым ко греху. Обращение к «Опыту педагогической антропологии» Константина Дмитриевича Ушинского позволяет «вернуть душу» в педагогику и строить её не на песке изменчивых научных представлений, а на твёрдом камне нравственности, егоже отвергли строители новой образовательной башни.

Список используемых источников

- [1] *Ушинский К. Д.* Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. — Изд. 2-е, испр. автором. — Т. 1. — СПб., 1871.
- [2] *Ушинский К. Д.* Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. — Изд. 3-е. — Т. 2. — СПб., 1873.
- [3] *Евзрезов Д. В., Майер Б. О.* Об онтологии и эпистемологии форсайтов «Образование 2030» и «Компетенции 2030» // *Философия образования.* — № 2 (53), 2012. — С. 77–99.
- [4] *Образование 2030. Результаты первого этапа российского форсайта.* [Электронный ресурс]. Код доступа: <https://narfu.ru/life/projects/skolkovo/presentation/m1/peskov.ppt>
- [5] *Ухтомский А. А.* Доминанта. — СПб.: Питер, 2019.
- [6] *Генис А.* Бродский: поэт в Нью-Йорке. [Электронный ресурс]. Код доступа: <https://prochtenie.org/passage/24375>
- [7] *Седакова О. А.* Словарь трудных слов из богослужения. Церковнославяно-русские паронимы. — Изд. 3-е, доп. и испр. — М.: Практика, 2021.
- [8] *Епископ Феофан.* Путь ко спасению (Краткий очерк аскетике). Третья часть начертания христианского нравоучения. — М., 1899 г. — Репринт.